

Степан Горемыка

Мне предстоит рассказать о жизни и судьбе коллеги, журналиста 20—30-х годов Степана Ивановича Масленникова. Впрочем, мало кто из читателей того времени знал Масленникова.

Вот Степана Горемыку знали. Чуть ли не в каждом номере «Арзамасской деревни», а затем и «Арзамасской правды» появлялись заметки, фельетоны, статьи, подписанные этим именем. А потом оно исчезло...

Родом он был из крестьянской семьи села Крутой Майдан. Смышленого мальчишку отцу удалось отдать в учительскую семинарию. Окончил ее и работал в начальных школах. В Водоватове учил детишек их родителей. Если малыши получали азы грамоты и арифметики, то отцы (не все, конечно) — азы политграмоты. Было это задолго до Октябрьской революции. Именно Степан Масленников организовал нелегальный революционный кружок и подготовил группу крестьян, которые потом, в 1917-м, устанавливали у себя Советскую власть и создали одну из первых коммун в нашем уезде.

Сейчас точно не скажешь, когда он стал одним из первых первьев уезда. Но то, что он им был, — бесспорно. Постоянно в движении, в гуще жизни, Степан Горемыка, будучи старше других коллег (родился он в 1884 году) и обладая большим жизненным опытом, знанием деревни, успевал всюду. Тематика его материалов очень широка: это и работа в кооперации, и первые шаги сельхозартелей, и борьба с бюрократизмом. Он вел рукопашный бой с косностью, всякого рода обманом, жульничеством, искренне воевал за новую, светлую жизнь.

Владел Степан Горемыка всеми газетными жанрами. Но о чем бы он ни писал, читатель улавливал иронию, а то и сарказм по адресу тех, кто плохо работает, львят. Его «Письма к тетушке» или «Серые заметки» — это сатирические обозрения, порой раешники на самые злободневные темы местной жизни. И читатели снабжали газету новыми фактами, а то и прямо адресовали письма лично Степану Горемыке. Посмотрите, какие он давал рубрики и заголовки: «По медным лбам», «Бумага все вытерпит», «Губерния пишет», «Дела куриные», «Мотовиловские гробокопатели»...

Способного журналиста замечали другие издания. Его приглашали сотрудничать «Нижегородскую коммуну», «Крестьянскую газету», «Нижегородский кооператор». 13 апреля 1928 года ежедневная газета ЦК ВКП(б) «Беднота» публикует корреспонденцию С. И. Масленникова «По поводу споров при землеустройстве колхозов». Автор писал: «Очень многие вновь организованные колхозы стараются выселиться на лучшие земли... взять участок ближе к селу, и это вполне правильно, но плохо то, что они порой очень мало считаются с интересами большинства, от которого они отделяются». И подтверждает это примером из с. Абрамова. Здесь

же пишет он и о другой ошибке: иные колхозники считают, что все им даст государство, и, вступая, продают свой сельхозинвентарь, скотину, требуют на 40 десятин трактор... «На фоне колхозного строительства появились тени. Надо их рассеять. Надо поставить бедняка-крестьянина в такое положение, чтобы он здраво смотрел на дело колхозного строительства и рассчитывал не только на помощь, но умело использовал и имеющиеся у организующихся коллективов средства», — заключает он. И сегодня эти мысли, согласитесь, все еще злободневны.

Не стану умалчивать о том, что активный и искренний борец за новую жизнь, Масленников, как сын своего времени, не избежал присущих газетчикам тех лет перехлестов, и у него можно кое-где встретить откровенную подозрительность, а то и намеки на «вредительство», хотя речь шла, допустим, об элементарном разгильдяйстве или головотяпстве. Жаль, конечно. Но то были 30-е годы, и дань такому подходу отдали в ту тяжелую пору и куда более крупные и искушенные в политике люди..

И все-таки одарен был Степан Иванович разносторонне. Он пробовал себя и в драматургии — написал пьесу «Подкидыши», которая шла не только в местном театре, но и в Чебоксарах. Он работал и над романом. И однажды обратился к Марии Валерьевне Гоппиус с просьбой рассказать ему о фактах из подпольной деятельности арзамасских революционеров в канун первой русской революции.

В сентябре 1930 года Масленников был командирован местной литературной группой в Н.-Новгород на первый краевой съезд пролетарских писателей, встречался с А. С. Серафимовичем, напечатал очерки о Горьком в Арзамасе, об исчезновении «убогих домиков» в память о казненных разинцах...

Все у него складывалось хорошо. И с Любовью Петровной, женой и верным другом, было полное взаимопонимание. Радовали Борис и Галя — дети подрастили способными, любознательными, честными. Да и общественное мнение о журналисте было высоким. Не случайно в течение ряда лет Масленников избирался членом городского Совета и членом секции РКИ. У дочери Галины Степановны чудом сохранились разные удостоверения тех лет. И даже программа литературно-музыкального вечера в Детском городке от 29 июня 1924 года. Руководителем там был тоже он, Степан Иванович.

Но вот и другой документ:

протокол обыска от 5 июня 1937 года. Видимо, спохватились, что при аресте 16 мая не унесли его бумаги. Некий уполномоченный РОМ НКВД Клячин и с ним другой сотрудник (сохраняю стиль оригинала) «Маслов Кузма Гр» взяли для «доставления в РОМ следующее: неоконченный роман по Антирилиозному произведению в количестве 5 папок с разной рукописью и три сверка разных черновиков... кроме того еще три сверка разной рукописи, а всего пять папок и шесть сверков разной рукописи и писем». Унесли и нишущую машинку. Любовь Петровну заставили расписаться, что «при обыске изъятия предметов нет и жалоб не имею».

Арестован был уже не сотрудник газеты, а счетовод Арзамасского «Союзтранса». Видимо, слишком острым казался властям Степан Горемыка, который без обиняков критиковал безобразия, когда кругом набирала силу волна славословия и поиска «врагов». Первый раз его арестовали в 35-м по лживому обвинению, но, продержав порядком, выпустили.

Разоблачения «врагов народа» начались гораздо раньше. Вот еще один любопытный документ. Помощник прокурора Нижегородской губернии по 4-му участку 25 сентября 1926 г. (фамилия неразборчива) шлет следующее:

«В кружок рабкоров — дом «Советов»: прошу об извещении Прокуратуры о всех заседаниях, для того, что бы иметь возможность участвовать на таких Прокурору».

Так что местные активисты находились под неусыпным гласным надзором. Не дай бог, чего не так скажут или напишут...

Но и в таких условиях рабкоры и начинающие литераторы писали о том, что волнует. А Степан Иванович подавал пример. Впрочем, властям нечего было беспокоиться — все рабкоры и селькоры душой горели за дела в молодой стране Советов.

Семью Масленниковых ждал еще один удар: в 1940 году был арестован Борис, ученик 10-го класса. Как и отец, он не вернулся. Где и когда погиб этот чистый прекрасный юноша, неизвестно.

2 декабря 1957 года Военный трибунал Московского военного округа реабилитировал Степана Ивановича «за отсутствием состава преступления», а 19 ноября 1975 года Президиум Верховного Суда РСФСР отменил приговор Горьковского областного суда от 6 апреля 1941 года в отношении Бориса Масленникова, реабилитировав и его.

Любовь Петровна дождалась этих посмертных постановлений. Но большего не узнала о горькой судьбе мужа и сына. Теперь одна Галина Степановна хранит семейный архив. Часть документов она передала в наш исторический музей, где на стенде можно увидеть фотографию Степана Ивановича и некоторые его документы.

Так уж получилось, что завершаю рассказ о Степане Горемыке на грустной ноте. И все же хочется, чтобы все лучшее, что было у этого незаурядного человека и журналиста — и горение, и тревога за счастье народа, и литературный дар — приняли как эстафету активисты печати наших дней, когда перестройке так требуются острые и честные аналитические перья.

М. БАКУНИН,
член Союза журналистов СССР.